

взгляд, в данном случае нужно искать аналогии не конкретным памятникам, а самому художественному явлению. Таких явлений немало, и они происходили на почве разных художественных традиций. Среди примеров мы можем назвать памятники владимиро-суздальской каменной резьбы, средневековые мозаики Сицилии, искусство Германии около 1200 г. – этот список может быть продолжен. Всем этим явлениям найти буквальные аналогии сложно. Объединяющим их звеном является интерес заказчиков и создателей к византийскому искусству, а своеобразие этих памятников заключается в индивидуальности местных вкусов и художественных традиций.

Более важным в этом контексте, по нашему мнению, является вопрос о датировке витражей. Наши наблюдения показали, что даже самые ранние витражи Готланда, объединяемые обычно исследователями в одну группу, датируемую второй половиной XIII в., имеют между собой важные стилистические различия. Эти особенности каждого памятника говорят о том, что едва ли эти витражи могли быть выполнены одновременно. Этот тезис промелькнул в литературе 1950-х гг., но не получил дальнейшего развития. В нашем исследовании мы хотели бы снова возвратиться к этому мнению и обосновать его более подробно. Как витражная живопись Шартра (Франция) представляет развитие французского витражного искусства десятилетие за десятилетием, так и витражная живопись Готланда может представить нам историю готландских витражей в хронологическом порядке. Проведенный нами стилистический и иконографический анализ показал, что в группе ранних витражей можно выделить несколько подгрупп, которые появились последовательно в хронологическом порядке: витражи Дальхем, Эндре и Экебу в 1220–1235 гг., витражная живопись в Лойста и Руне в 1235–1265 гг. и витражное искусство Барлингбу в 1265–1280 гг.

Этот факт чрезвычайно важен: он свидетельствует о том, что интерес к византийскому искусству в культуре Готланда не оборвался резко в начале XIII в., как предполагалось в литературе, а продолжал существовать и определять вкусы готландских заказчиков вплоть до конца XIII в.

Е. А. Семичева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)

Восток и Запад в позднеантичных бревиариях

Позднеантичные компендиумы и, в частности, бревиарии – репрезентативные источники для изучения проблем идентичности, поскольку, будучи популярными среди широкого круга читателей, не отличающихся уже к IV в. эрудированностью и даже образованностью, они выступали своеобразным инструментом для конструирования стереотипов в массовом сознании. Цель

данного исследования – выявление специфики отношения к западным и восточным народам в бревиариях Евтропия и Феста на основе анализа структуры и содержания этих текстов.

Сочинение Евтропия в соответствии с законами жанра не отличается богатством и разнообразием деталей, однако его пропагандистская направленность выражается, в первую очередь, противопоставлением императоров, оценка правления и личностей которых дана через призму успехов в расширении границ государства и личных военных побед¹. Этот контраст особенно заметен, если речь идет об одном и том же правителе, например, Галлиене, политика которого именуется успешной, хорошей или пагубной в зависимости от указанного контекста (IX.8). Полярный характер имеют оценки гражданских войн и войн с внешним противником, а также знатность/незнатность происхождения императора. Народы, противостоящие римлянам, представлены преимущественно в этнических терминах или через категорию «варвары», причем Евтропий в ряде случаев указывает на них как союзников и «друзей римского народа» (V.5; VII.10). Однако выраженное различие в оценке войн с западным или восточным противником в работе отсутствует. Оба направления воспринимаются Евтропием как поле римской экспансии, стремления к главенству над всем миром: например, в одинаковом констатирующем тоне он пишет об успехе войн против германцев и персов (IX.1–2); восстановителем Востока и Запада называет Аврелиана (IX.13), говорит об Постуме и Оденате как спасителях Рима на Западе и Востоке соответственно (IX.11).

Несколько иначе обстоит дело с Бревиариум Феста. Представляя собой еще более сокращенную версию римской истории, этот текст интересен не столько вполне тривиальным содержанием, сколько своеобразием структуры, которая имеет двухчастный характер, четко разграничивающий процесс присоединения западных и восточных провинций, в том числе через сочетание хронологического и географического принципа их описания. Большинство зарубежных исследователей отмечает структурное единство бревиария, основанное на таком видении империи, эталоном предполагаемого территориального расширения которой является восстановление восточных границ². Фактически Фест представил императору Валенту сводный отчет о терри-

¹ Егоров А.Б. Императорская власть в «Бревиарии» Евтропия // Античное общество – IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов. СПб., 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1997-10/egorov.htm>; Кареев Д. В. Взаимоотношения Рима и Парфии в интерпретации «малых» римских историков IV века // Вестник Ивановского госуниверситета. 2008. Вып. 3. С. 74–80.

² Kelly G. The Roman World of Festus' Breviarium. *Unclassical traditions*. Vol. 1: Alternatives to the Classical Past in Late Antiquity. Cambridge, 2003. P. 78; Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. Routledge, 2002. P. 61.

ториальных завоеваниях Рима с особым акцентом на восточной границе, в котором первая часть, предлагающая более широкий исторический контекст, выступает необходимым условием понимания прямой цели автора, выраженной в главах второй части. М. Раймонди считает, что такое построение работы связано с намерением Феста представить Запад как «мятежников», а Восток как «друзей и союзников» Рима, что, по мнению исследовательницы, вписывается в рамки патриотических идей автора, ориентированных на восточный внешнеполитический вектор¹.

В этой связи заметим, что Евтропий, перечисляя изгнанных Митрида-том из Вифинии, Пафлагонии и Каппадокии царей, называет их «*amici populi Romani*» скорее в соответствии с традицией, фокусируя внимание на личности понтийского царя и его конфликте с сенатом (Eutr. V.5). Фест представляет этот сюжет несколько иначе: также называя Полемона «*amicus populi Romani*», он смещает акцент на позитивную характеристику каппадокийцев в целом, поскольку они, по его мнению, стремились к партнерству с Римом еще со времен Ариарата и всегда были для римлян «*auxilia nostra*» (Fest. XI.3). Показательны, кроме того, такие фразы Феста в отношении восточных народов, как: «персы признавали превосходство римлян не только в оружии, но и в нравах» (XXV.3), упоминание, что парфяне первыми просили и получили дружбу с Римом (XV.2). Напротив, именно войны с галлами Фест называет самыми тяжелыми – *gravissima bella* (VI.1) и при всей сухости изложения подчеркивает жестокость фракийцев эпитетами «*saevissimi*», «*pariter crudele et callidum*» (IX.1–2), явно контрастирующими с теми, которые применялись им при описании восточных народов.

Таким образом, несмотря на единство жанра и читательской аудитории, общий круг источников, прямые текстуальные параллели и идеологическую направленность бревиариев, сочинение Феста отличается структурными и, отчасти, содержательными акцентами в отражении взаимодействия Рима с его западными и восточными соседями. Пропагандистский характер этой брошюры выражен более явно – она была призвана сформировать необходимое официальному двору представление о Востоке и взаимоотношениях с ним в исторической ретроспективе и подготовить общественное мнение в отношении восточной кампании Валента.

¹ Raimondi M. Il Breviarium di Festo e il funzionariato cappadoce alla corte di Valente // Historia. 2006. Vol. 55/2. P. 201.